

*Юлинецкая Ю. В.,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков № 1
Национального университета «Одесская юридическая академия»*

ОСОБЕННОСТИ ИНФОРМАЦИОННО-ИНТЕРПРЕТАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА ТЕКСТА МЕЖДУНАРОДНОГО НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО АКТА

Аннотация. Статья посвящена изучению кодификационных и интерпретационных аспектов некоторых видов официально-деловых текстов с учетом особой важности их прагматической составляющей. Определяются особенности международного нормативно-правового акта как разновидности официально-делового текста, его прагматико-функциональное назначение, даются его композиционно-речевые характеристики, излагаются принципы лингвосодержательного построения.

Ключевые слова: официально-деловой текст, международный нормативно-правовой акт, информационно-интерпретационное пространство, иллюкутивная функция, перлокутивная составляющая.

Постановка проблемы. Роль международных договоров и соглашений в современном мире трудно переоценить. Особое значение имеет их правильное лингвистическое толкование, без чего невозможно достичь взаимопонимания между различными странами и их представителями и добиться правильных юридических интерпретационных решений.

Анализ исследований и публикаций. Различные филологические дисциплины активно изучают проблемы кодификации и интерпретации определенных типов текста. Данные вопросы обсуждаются в рамках общей лингвистики (или теории) текста, а также более узкого направления – интерпретации текста. Данный аспект находится в центре внимания авторов сугубо стилистических работ: известная книга И.В. Арнольд «Стилистика современного английского языка» имеет подзаголовок «Стилистика декодирования» [1]. В фундаментальных трудах К.А. Долинина [2], В.А. Кухаренко [3], Ван Дейка [4], Валгиной [5] сформулированы основные задачи и принципы интерпретационной деятельности. Вопросы кодификации и интерпретации конкретных типов текста, в частности научных и художественных, поднимаются в работах Мизецкой [6], Коллегаевой [7]. Всестороннему изучению адресантно-адресатных корреляций посвящены труды Н.Д. Арутюновой [8], О.П. Воробьевой [9] и других исследователей.

Как видим, изучение вопросов кодификации и интерпретации можно проводить, опираясь на достаточно разработанную терминологическую систему и уже имеющиеся теоретические положения. Вместе с тем следует отметить, что в центре внимания большинства исследователей всё же остаются вопросы кодификации и интерпретации художественных текстов. Что касается официально-деловых текстов, то достаточно подробно описаны лишь их общие признаки [См., напр.: 5]. Более или менее тщательному анализу были подвергнуты только тексты некоторых видов военных документов, в частности приказов [10]. Но и в этих работах основное внимание уделяется струк-

турным особенностям, а не вопросам кодификационно-интерпретационных корреляций.

Актуальность исследования продиктована тем, что вопросы интерпретации международного нормативно-правового акта (МНПА) как одного из видов официально-делового текста если и рассматривались, то исключительно в рамках юридических изысканий, однако лингво-прагматическому анализу он практически не подвергался. В настоящем исследовании мы уделили основное внимание кодификационным и интерпретационным аспектам некоторых видов официально-деловых текстов, а именно МНПА, с учетом особой важности их прагматической составляющей.

В международном праве не существует норм относительно обязательных форм репрезентации международных договоров. Так, «Венская конвенция о праве международных договоров» 1986 г. исходит из возможности заключения как письменных, так и устных соглашений. Типичной формой репрезентации международных договоров следует считать письменную, к которой, как правило, прибегают государства при заключении договоров. Именно письменные МНПА, и будут **объектом** нашего внимания в настоящей статье.

Цель статьи состоит в изучении общих лингвосодержательных особенностей МНПА, что позволит выделить и очертить основные контуры информативно-интерпретационного пространства данного типа текста.

Изложение основного материала. МНПА – это документ, рассчитанный на долговременное пользование. Он носит прескриптивный, т.е. предписывающий характер, и относится к числу неспонтанных, тщательно подготовленных письменных текстов. МНПА – это текст конкретного содержания. В отличие от художественного текста, МНПА отражает реально существующее референтное пространство, касается вопросов международных правоотношений.

Текст МНПА относится к числу нейтральных (лишенных эмоциональности) сообщений. Это беспристрастный и отстраненный документ, базирующийся на четкой системе логических построений, хотя некоторые из его положений могут иметь аксиологический характер, но эта оценочность является не эмоциональной, а рациональной. Указанный текст отличается наличием довольно жесткой внутренней структуры. Несмотря на отсутствие четко заданного объема, текст МНПА обычно представляет собой вполне обозримый документ, что облегчает условия работы с ним для практических целей. Адресант и адресат МНПА разобщены в пространстве. Отправление и восприятие информации подобного документа также разделены во времени, что характерно для любого письменного текста.

МНПА являється результатом колективного творчествa, хоча й підписується конкретними людьми, котрі є формальними адресантами документа, що укладається в рамки існуючих юридических фікцій. Текст МНПА не має персональної адресованості. Це текст, призначений для всіх заінтересованих сторін, котрими є підписавші його держави в лиці своїх представлелів. Однак його специфіка закладається в наявності подвійної адресації. На випадок виникнення розногласій передбачено розглядання відповідних питань в арбітражних (третейських) судах. В цьому випадку інформаційно-інтерпретаційний канал стає складнішим: безпосередній адресат-виконавець перетворюється з кінцевого в проміжний інтерпретатора, а в ролі кінцевого тлумача виступають представлелі відповідних третейських інституцій. В текстах МНПА роль цього можливого адресата, котрий в випадку необхідності має дати кінцеву інтерпретацію, звичайно обговорюється безпосередньо в тексті документа:

19. Law and Arbitration

(a) *This Charter Party shall be governed by and construed in accordance with English law and any dispute arising out of this Charter Party shall be referred to arbitration in London in accordance with the Arbitration Acts 1950 and 1979 or any statutory modification or re-enactment thereof for the time being in force [11].*

Прагматическе значення, іллокутивна сила (далі – ІС) повідомлення МНПА закладається в наявності прескрипції, обов'язкової для виконання всіма підписувачими його сторонами. Вказана ІС передається з допомогою різних лінгво-прагматических засобів, але передусім з допомогою різних актуалізаторів категорії імперативності, що є інгерентним властивістю будь-якого прескрипційного документа.

Тут відносяться різні форми імперативності: інфінітив і інфінітивні конструкції, модальний дієслово абсолютного імператива *shall* (94% всіх випадків використання імперативних конструкцій в аналізованих МНПА), використовуємі з місцознаменнями і іменними єдинственого і множинного числа во всіх трьох лицах:

Article 10 – Freedom of expression

1. *Everyone has the right to freedom of expression. <...>*

This Article shall not prevent States from requiring the licensing of broadcasting, television or cinema enterprises [12].

(2) Article 5

Each State Party shall take such measures as may be necessary to establish its jurisdiction over any of the offences set forth in article 1 <...> [13].

Там, де категоричність поступає місце допустимості, використовується пермиссив *may*:

(5) *The Tribunal may at any time, on the application of a party to the proceedings or of its own motion, order that the proceedings should be heard and, in that event, may give directions for the disposal of the proceedings in accordance with these Rules [14].*

Імперативність має не тільки безпосередній спосіб вираження, але може бути передана і косвенним шляхом. Так, дієслова групи існуючих часів в МНПА фактично набувають функції існуючого предписання, втрачаючи свою буквальну часову детермінованість. Встрічаються вони частіше всього в умовних придаточних гіпотактических

структурах, де головне предписання представляє собою деонтическе висказування.

Форми майбутнього часу, як ми вже відзначали, також набувають модальні відтінки повинності, предписання, що дозволяє по аналогії з існуючим предписанням причислити їх до групи «будущим предписанням»:

Article 14

The present convention shall take effect, in the case of each Party ninety days after the receipt of its ratification or of the notification of its accession [15].

Past Indefinite Tense в МНПА зустрічається дуже рідко (на 100 предписань приходить в середньому не більше 2 випадків використання прошедшего времени). Past Indefinite Tense можна, як це роблять применительно к жестким и среднежестким типам текста, назвати «прошедшим подчеркнутой констатацией», коли спостерігається ядро виражена фіксація повідомляемого в письмовій формі.

Ітак, ще раз підкреслимо, що предписуєуще-долженствующее (імперативне) значення є імманентним властивістю будь-якого МНПА. При цьому домінуючим актуалізатором деонтичності є дієслово *shall*.

Рідко основне уваження лінгвісти віддають іллокутивній складовій комунікативного акту [См., напр.: 16]. Хотим підкреслити, що для таких текстів, як МНПА, перлокутивна складовая також дуже важлива. Міжнародний договір передбачає виконання договірних зобов'язань, інакше документ не має ніякого прагматического значення. МД зобов'язують держави, їх закривилиши или к ним приєдналишися, виконувати ці договірності.

Виразителюність МНПА як будь-якого офіційно-делового тексту відрізняється своєобразием. Вона проявляється не в наявності емоційно-експресивних засобів, а направлена на найкраще мовне втілення основних стилеских рис делової мови.

В зв'язі з повинністю-предписуєущим характером тексту МНПА йому властиві і особливий спосіб викладання. Лінгвісти звичайно відзначають відмінність в офіційно-делових текстах майже на всі відомі в інших сферах «способов викладання» [17] или «функціонально-смысловых типов мови» [5]. Тут неможливо виділити і такі характерні для художественного тексту (далі – ХТ) композиційно-мовні форми (далі – КРФ), як повествование, роздум, описання. Однак ми вважаємо, що точніше було б говорити не о повному відсуттві цих КРФ, а о тому, що вони преломляються в МНПА в специфічних для останнього формах. Повествованню відповідають комплекси констативів, роздуму – комплекси аргументативів. Відмінність аргументативів від роздумів закладається в чіткості і жорсткості логічески перевіренних конструкцій перших, в той час як в роздумі ХТ формально-логіческа будова перемежується з емоційно-експресивними і аксіологіческими елементами. Ще раз підкреслимо, що аргументативи в МНПА, як і в будь-якому іншому офіційно-деловому тексті, будуються виключно на формально-логіческих принципах при дуже обмеженій сфері використання аксіологіческих засобів или маркерів.

Оціночного і емотивного відтінку позбавлені також констативи (или конфірмативи). В цьому їх принципове відмінність від повествователеских структур в художественному тексті. Разом з тим констативи в МНПА супроводжуються більшим

числом кондициональных предложений, которые конкретизируют и часто ограничивают сферу действия и применения соответствующих положений-пропозиций. Основная сфера использования констатиов – это так называемые констатирующие части документа. Констатиовы почти лишены имплицитного потенциала. Они, как правило, представляют собой совершенно открытые, эксплицитные пропозиции, которые не требуют для извлечения смыслов каких-либо сложных операций. Например:

Article 3

The High Contracting Parties undertake to hold free elections at reasonable intervals by secret ballots, under conditions which will ensure the free expression of the opinion of the people in the choice of the legislature [18].

Отрезки, сходные с описательными контекстами, оказываются в МНПА особым прескриптивно-констатирующим способом изложения. Это в основном дефиниции и другие составляющие интерпретационных блоков.

Вместе с тем можно утверждать, что в МНПА имеются отрезки, которые позволяют говорить об особой, специфической для любого НПА композиционно-речевой форме, связанной с осуществлением основной прагматической функции этих документов – прескриптивно-облигаторной.

Анализ текстов показывает, что есть основания выделить в структуре МНПА императивно-прескриптивную КРФ, которая представлена императивами, пермиссивами и прохобитивами. Причем это не отдельные вкрапления, а преимущественно целые текстовые блоки, насчитывающие до 50–60 предложений.

В так называемых «Гаагских правилах» (Международная конвенция об унификации некоторых правил, относящихся к коносаментам, Брюссель, 25 августа 1924), практически все статьи, начиная со второй и кончая последней (шестнадцатой), представлены указанной КРФ. Все положения нанизаны на стержень модального глагола долженствования *shall*.

Мы уже неоднократно подчеркивали предписывающе-долженствующий характер МНПА. Поэтому важнейшая лингвостилевая черта подобного текста – это преобладающее число предложений, используемых для достижения максимальной прозрачности и наиболее точной фиксации смысла.

Точность формулировок правовых норм и необходимость абсолютной адекватности их понимания адресатом – идеал, к которому должны стремиться составители МНПА. Только подобная точность обеспечивает реализацию регулятивной функции МНПА. «Неясность этих формулировок, допущение неоднозначных толкований мешают осуществлению основной функции права, подрывают его незыблемость и авторитет» [17].

Точность, не допускающая интолкувания, проявляется в употреблении специальной терминологии, а также в однозначности и безобразности нетерминологической лексики.

Стремление к точности ограничивает возможности синонимических замен в МНПА, так как последние обычно вызывают изменения оттенков смысла. Поэтому ингерентная особенность данного типа текста – высокая повторяемость одних и тех же слов, что проявляется в показателях их частотности: ключевые слова документа повторяются в пределах 20–48 раз.

Проявлению точности способствуют разного рода уточнения и оговорки, ведущие к широкому употреблению обособленных оборотов, прежде всего причастных, а также использованию придаточных и условных предложений, преобладанию союзных связей над бессоюзными.

Эти особенности можно продемонстрировать следующей иллюстрацией:

1. A party may, within the limits of its domestic law and without prior request, forward to another Party information/ obtained within the framework of its own investigation /when it considers/ that the disclosure of such information might assist the receiving Party in initiating or carrying out investigations or proceedings concerning criminal offences established in accordance with this Convention or might lead to a request for co-operation by that Party under this chapter [19].

Как видим, данное положение из статьи 26 представляет собой сложное синтаксическое образование с двумя придаточными предложениями – условным и дополнительным, двумя причастными оборотами (опорным словом первого является лексема *obtained*, второго – *established*) и эксплицитно выраженной союзной связью как между предложениями (*when, that*), так и однородными членами предложения (*and, or*).

При этом кондициональные структуры могут иметь даже рамочный характер: *Article 4*

If any such goods shipped with such knowledge and consent shall become a danger to the ship or cargo, they may in like manner be landed at any place, or destroyed or rendered innocuous by the carrier without liability on the part of the carrier except to general average, if any [16].

Соотношение союзных и бессоюзных структур, как показали наши подсчеты, составляет 3,5:1 в пользу первых.

В целом обилие рестриктивно-конкретизирующих средств приводит к значительному увеличению размеров предложения, в том числе простого, до нескольких сотен словоупотреблений (50–200 слов). Так, в коносаменте «Кондженбилл» (1978) некоторые статьи представлены одним развернутым предложением, состоящим из более чем 100 слов. Так, Статья 6 (*Article 6*) указанного документа содержит 146 словоупотреблений.

Одним распространенным предложением представлены и отдельные параграфы различных статей. Так, параграф 7 статьи 3 этого же соглашения состоит из 139 словоупотреблений. Средняя длина предложения МНПА, как показал анализ, составляет 17,6 словоупотреблений.

Регламентированность и относительная жесткость построения проявляется в том, что существует целый ряд правил или принципов изложения для текстов нормативно-правовых актов, которые в совокупности называют техникой изложения юридических норм. Сюда относятся:

- последовательность изложения;
- компактность изложения (принцип, который на практике не выдерживается в связи с требованиями максимальной экспликации смыслов);
- тематическая однородность (гомогенность) содержания;
- исключение противоречий (контрадикций);
- соответствие содержания закона его наименованию;
- исключение случайных «пробелов», т.е. оставленных без толкования или пояснения положений, использование с этой целью отсылочных статей.

В целом, текст МНПА нередко содержит весьма сложные юридические понятия. Поэтому адресант, добиваясь максимальной строгости и точности при использовании юридических терминов, одновременно стремится к доходчивости, простоте и ясности изложения. Тем не менее, для этого ему иногда приходится преодолевать некоторые консервативные правила,

предусматривающие использование архаической лексики, которая вносит в текст двусмысленность или смысловую путаницу.

Итак, особенности юридического подъязыка – это четкость, сжатость, определенность и точность сообщения, императивный характер изложения, широкое применение специальной терминологии и клишированных выражений. [См. об этом подробнее: 20]. Поскольку в правовых отношениях все регламентировано, а общение осуществляется по определенным стандартам, которые облегчают это общение, постольку речевой стандарт, шаблон оказывается здесь неизбежным, необходимым, целесообразным и оправданным.

Таким образом, делаем **вывод** о том, что международный нормативно-правовой акт представляет собой текст среднежесткого типа: он строится согласно достаточно жестких регламентаций, правил, отклонения от которых могут привести к его квалификации как юридически ничтожного документа. Указанные правила обусловлены прагматической направленностью МНПА: он является текстом прескриптивного характера, что и определяет его ведущую иллокутивную функцию – воздействовать на адресата с целью осуществления последним определенных правовых действий. Это документ, в основе которого лежит императивность, определяющая его основной прагматический посыл как директивного документа. Перлокутивный эффект достигается в том случае, когда адресат начинает следовать тем инструкциям и указаниям, которые исходят от адресанта. Иллокутивная функция МНПА обуславливает и специфику кодирования информации: она должна быть представлена в максимально эксплицированном виде, при этом многозначность квалифицируется как недостаток данного типа текста. Только однозначность и прозрачность формулировок позволяет задать тот вектор толкования, который приведет к единственно правильной реакции адресата и заставит его выполнять установления, которые предписываются адресантом. Иными словами, только снятие многозначности позволяет достичь полного соответствия перлокуции и иллокуции, без чего теряется практический смысл любого директивного документа, в том числе МНПА.

Перспективы дальнейших исследований в этом направлении состоят в разработке идеи вербальной актуализации информационно-интерпретационного пространства текста МНПА как совокупности всех заложенных в текстовом массиве потенциальных смыслов, выводимых в результате интерпретации (толкования), а также определении составляющих этого пространства.

Литература:

1. Арнольд И.А. Стилистика современного английского языка. Москва: Просвещение, 1990. 301 с.
2. Долинин К.А. Интерпретация текста. Москва: Просвещение, 1985. 288 с.
3. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. Москва: Просвещение, 1988. 327 с.
4. Dijk T. A. van. Political Discourse and Racism: Describing others in Western Parliaments / The Language and Politics of Exclusion: Others in Discourse. Thousand Oaks, 1997. P. 31–64.
5. Вацгина Н.С. Теория текста. Москва: Логос, 2004. 280 с.
6. Мизецкая В.Я. Композиционно-речевая организация драматургического текста на материале англоязычных пьес XVI–XX вв.: дис. ... доктора филолог. наук. Одесса, 1992. 501 с.
7. Колегаева И.М. Текст как единица научной и художественной коммуникации. Одесса: Ред. – изд. Отдел обл. упр. по печати, 1991. 121 с.

8. Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики / Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. Москва: Прогресс, 1985. С. 3–42.
9. Воробьева О.П. Текстовые категории и фактор адресата. Киев: Вища шк., 1993. 199 с.
10. Нелюбин Л.Л. Перевод боевых документов армии США. Москва: Воениздат, 1971. 335 с.
11. Charter “Gencon” (as revised 1922, 1976 and 1994) / Рабочие тетради Библиотеки журнала «Торговое мореплавание», 1999. № 10/4. 24 с.
12. Human Rights Act. 2004. 39 p. URL: <https://www.legislation.act.gov.au/a/2004-5>
13. International Convention Against the Taking of Hostages. G.A. Res 146 (34), U.N.GAOR, Supp. №46, at 245, U.N.Doc. A/34/46. 1983. 22 p. URL: <https://treaties.un.org/doc/db/Terrorism/english-18-5.pdf>
14. The Lands Tribunal Rules. Parts 1. 2003. 57 p. URL: <http://www.legislation.gov.uk/uksi/1996/1022/contents/made>
15. Bill of Lading. Code name: “Congenbill”, edition 1978 / Рабочие тетради к Библиотеке журнала «Торговое мореплавание». 1999. № 11/4. 26 с.
16. Шевченко И.С., Морозова Е.И. Дискурс как мыслекоммуникативное образование. *Вісник ХНУ*. 2003. № 586. С. 33–38.
17. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. Москва: Просвещение, 1977. 223 с.
18. Protocol No. 7 to the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. 5 p. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Library_Collection_P7postP11_ETS117E_ENG.pdf
19. Protocol to the Budapest Convention on Cybercrime. 24 p. URL: <https://www.coe.int/en/web/cybercrime/the-budapest-convention>
20. Мизецкая В.Я. Юридическая лексическая подсистема и проблемы двуязычной лексикографии. Харьков: Одиссей, 2004. 104 с.

Юлинецька Ю. В. Особливості інформаційно-інтерпретаційного простору тексту міжнародного нормативно-правового акта

Анотація. Статтю присвячено вивченню кодифікаційних та інтерпретаційних аспектів деяких видів офіційно-ділових текстів з урахуванням особливої важливості прагматичного складника. Визначаються особливості міжнародного нормативно-правового акта як різновиду офіційно-ділового тексту, його прагматико-функціональне призначення, подаються його композиційно-мовленеві характеристики, пояснюються принципи лінгво-семантичної побудови.

Ключові слова: офіційно-діловий текст, міжнародний нормативно-правовий акт, інформаційно-інтерпретаційний простір, ілокутивна функція, перлокутивний складник.

Yulinetska Yu. Peculiarities of the information and interpretation field of an international normative legal act text

Summary. The article has been devoted to the study of the codification and interpretation aspects of the certain types of official-business texts, taking into account the particular importance of their pragmatic component. The peculiarities of the international normative legal act as a kind of official-business text and its pragmatic and functional purpose are determined, its compositional and speech characteristics are given, the principles of linguo-semantic construction are stated.

Key words: official-business text, international normative legal act, codification and interpretation field, illocutionary function, perlocutionary component.